

Научная статья
УДК 341.1/8
DOI: 10.25683/VOLBI.2025.73.1428

Svetlana Fedorovna Litvinova
Candidate of Law, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines,
Vladivostok State University
Vladivostok, Russian Federation
Svetlana.litvinova@vvsu.ru

Светлана Федоровна Литвинова
канд. юрид. наук, доцент,
доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин,
Владивостокский государственный университет
Владивосток, Российская Федерация
Svetlana.litvinova@vvsu.ru

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОНЯТИЙ «СОВМЕСТНЫЕ ВОЕННЫЕ УЧЕНИЯ» И «КОАЛИЦИОННЫЕ ВОЕННЫЕ КИБЕРУЧЕНИЯ»

5.1.5 — Международно-правовые науки

Аннотация. В статье рассматривается правовая проблема в российской правовой системе и юридической доктрине — отсутствие официального и научно обоснованного определения термина «совместные военные учения». Актуальность исследования обусловлена растущей ролью таких учений в современной системе международной безопасности, особенно на фоне развития информационно-коммуникационных технологий, киберугроз и гибридных форм конфликтов. Автор проводит комплексный анализ нормативных актов Российской Федерации, двусторонних и многосторонних договоров о военном сотрудничестве (включая соглашения с Казахстаном, Индией, Ираном и документы ШОС, ОБСЕ), а также зарубежного законодательства, в частности Закона Литовской Республики, в котором содержится юридическое определение понятий, касающихся международных учений. На основе системного анализа были выявлены существенные признаки совместных военных учений: их договорная природа, цели (включая оперативную подготовку, демонстрацию силы, сдерживание угроз), состав участников (военнослужащие, гражданский персонал, сопровождающие лица), использование военной техники и особенности правового режима мест дислокации воинских формирований на территории

государства проведения учений. Особое внимание уделяется правовому статусу участников — функциональному иммунитету и институту «квазигерритории» военных кораблей и воздушных судов. В работе предлагается новое, всесторонне аргументированное определение «совместных военных учений», а также вводится понятие «совместных военных киберучений» с учётом трансграничного характера, участия смешанных субъектов и виртуальной среды. Обосновывается предложение о замене термина «совместные учения» на более точный — «коалиционные учения». Исследование выполнено с применением общенаучных и специально-юридических методов. Результаты работы могут быть использованы для совершенствования российского законодательства, развития доктрины международного военного сотрудничества и повышения правовой предсказуемости в сфере безопасности.

Ключевые слова: совместные военные учения, коалиционные военные учения, военные учения, киберучения, правовой режим, функциональный иммунитет, квазигерритория, международное военное сотрудничество, определение понятий, информационно-коммуникационные технологии, доктринальное определение, правовой статус участников учений

Для цитирования: Литвинова С. Ф. Определение понятий «совместные военные учения» и «коалиционные военные киберучения» // Бизнес. Образование. Право. 2025. № 4(73). С. 000—000. DOI: 10.25683/VOLBI.2025.73.1428.

Original article

DEFINITION OF THE CONCEPTS OF JOINT MILITARY EXERCISES AND COALITION MILITARY CYBER EXERCISES

5.1.5 — International legal sciences

Abstract. The article examines a legal problem in the Russian legal system and legal doctrine — the lack of an official and scientifically sound definition of the term “joint military exercises”. The relevance of the study is due to the growing role of such exercises in the modern international security system, especially against the background of the development of information and communication technologies, cyber threats and hybrid forms of conflict. The author conducts a comprehensive analysis of the regulations of the Russian Federation, bilateral and multilateral agreements on military cooperation (including agreements with Kazakhstan, India, Iran and documents of the Shanghai Cooperation Organization, Orga-

nization for Security and Cooperation in Europe), as well as foreign legislation, in particular the Law of the Republic of Lithuania, which contains one of the few legal definitions concerning international exercises. Based on a systematic analysis, significant features of joint military exercises are identified: their contractual nature, objectives (including operational training, demonstration of force, deterrence of threats), the composition of participants (military personnel, civilian personnel, accompanying persons), the use of military equipment and the specifics of the legal regime in the territory of the host state. Special attention is paid to the legal status of the participants — functional immunity and the institution

of a «quasi-territory» of warships and aircraft. The paper proposes a new, comprehensively reasoned definition of joint military exercises, and also introduces the concept of joint military cyber exercises, taking into account the cross-border nature, the participation of mixed actors and the virtual environment. The proposal to replace the term “joint exercises” with a more precise one — “coalition exercises” is substantiated. The research was carried out using general scientific and special legal methods. The results of the work can be used

to improve Russian legislation, develop the doctrine of international military cooperation and increase legal predictability in the field of security.

Keywords: joint military exercises, coalition military exercises, military exercises, cyber exercises, legal regime, functional immunity, quasi-territory, international military cooperation, definition of concepts, information and communication technologies, doctrinal definition, legal status of participants in the exercises

For citation: Litvinova S. F. Definition of the concepts of joint military exercises and coalition military cyber exercises. *Biznes. Obrazovanie. Pravo* = Business. Education. Law. 2025;4(73):000—000. DOI: 10.25683/VOLBI.2025.73.1428.

Введение

Актуальность темы статьи обусловлена необходимостью адаптации традиционных юридических, военных и политических понятий к реалиям цифровой эпохи в условиях несовершенства военного понятийно-категориального аппарата, нарушения логики построения правовых конструкций, а также терминологической подмены и тавтологии в текстах источников права, регулирующих использование вооружённых сил государства [1, с. 28]. Исследование посвящено уточнению понятия «совместные военные учения» с учётом влияния информационно-коммуникационных технологий (далее — ИКТ), что обусловлено отсутствием единого доктринального и легального определения данного термина.

Развитие информационно-коммуникационных технологий кардинально меняет способы планирования, проведения и координации совместных военных учений. Современные учения всё чаще включают в себя киберкомпоненты, элементы искусственного интеллекта, большие данные и технологии сетей 5G/6G, что требует пересмотра традиционных подходов к их определению, классификации и правовому регулированию. ИКТ обеспечивают более сложное, распределённое и синхронное взаимодействие между подразделениями разных государств в режиме реального времени, что ставит под сомнение традиционные границы между понятиями «совместные» и «коалиционные» учения.

Разработанность темы. В русскоязычной научной литературе проблеме понятий военной терминологии практически не уделяется внимания. Тем не менее потребность в её решении очевидна. А. Ф. Андреев обращает внимание на объективную необходимость совершенствования механизма правового регулирования сотрудничества государств в военной сфере, в т. ч. посредством уточнения и систематизации понятий [1].

В работах современных авторов вопросы теории совместных военных учений как целостного явления не рассматриваются, однако отдельные элементы этого понятия определяются, что представляет интерес для достижения цели настоящего исследования. Е. В. Колдунова рассматривает совместные военные учения в контексте военной дипломатии [2].

Большинство публикаций, посвящённых военным учениям, представляют собой аналитические обзоры учений, проводимых отдельными государствами или международными организациями, где авторы сосредотачиваются на их конкретных особенностях. В. Н. Ли анализирует функции, цели и задачи современных военно-морских учений, проводимых Россией и Китаем [3]. И. А. Аржанов, изучая динамику изменений в военно-политической обстановке

в Арктике в контексте отношений Россия—НАТО, определяет функции и цели военных учений НАТО, проводимых в этом регионе [4]. Е. В. Гамерман, рассматривая угрозы военной безопасности в Северо-Восточной Азии на современном этапе, анализирует влияние многочисленных военных учений на международные отношения [5]. Д. Т. Турлыбаева, исследуя развитие военных учений «Взаимодействие» как составной части военного строительства ОДКБ, акцентирует внимание на целях и задачах таких мероприятий с учётом современного вооружения [6]. Ш. С. Хабиров анализирует сотрудничество российских и таджикских вооружённых сил и определяет его влияние на взаимодействие вооружённых сил двух государств [7].

В результате системного поиска была обнаружена лишь одна статья, непосредственно посвящённая понятию «совместные военные учения» — она написана доктором государственной политики, доцентом кафедры международного гуманитарного права Университета военных исследований (США) Дж. Сикьерой и посвящена правовому регулированию военных учений [8].

Для корректного определения понятия «военные учения» необходимо учитывать правовой статус военнослужащих, участвующих в них на территории иностранного государства. Вопросы правового статуса военнослужащих и возмещения им вреда рассматриваются в работах С. А. Семушина, выводы которого могут быть распространены на участников военных учений [9; 10].

В современной научной литературе всё чаще появляются публикации, посвящённые киберучениям. Н. Ромашкина обосновывает необходимость проведения совместных киберучений, связывая её с появлением нового инструмента — информационных диверсий в информационно-коммуникационном пространстве [11]. Особенности организации крупнейших национальных и транснациональных киберучений анализируют А. А. и С. А. Петренко, изучая опыт правового регулирования таких мероприятий с учётом их специфики [12]. Принципы противодействия киберугрозам — одной из ключевых целей киберучений — рассматриваются в работах Н. Ромашкиной (принцип ответственного поведения государств, защита критически важной инфраструктуры) [13], С. Бойко (принцип укрепления доверия в киберпространстве) [14], Р. Б. Булатова (принцип уважения прав и свобод человека и гражданина в условиях развития цифровых технологий) [15].

Научная новизна настоящего исследования заключается в формулировке научно обоснованных определений понятий «совместные военные учения» и «совместные военные киберучения», а также в предложении использовать термин «коалиционные военные киберучения» как более точную и содержательную альтернативу.

Целью данного исследования является определение понятий «совместные военные учения» и «коалиционные военные учения».

Задачи исследования сформулированы следующим образом:

- определить особенности совместных военных учений в контексте российского законодательства и международных договоров России о военном сотрудничестве;
- проанализировать существующие определения понятия «совместные военные учения», данные учёными;
- установить правовой статус вооружённых сил одного государства на территории другого при проведении совместных военных учений;
- сформулировать научно обоснованное определение понятия «совместные военные учения» и разработать его вариацию, учитывающую специфику военных учений.

Теоретическая значимость исследования, представленного в данной статье, обусловлена тем, что чёткое определение понятий служит фундаментом для дальнейших научных изысканий, позволяя выстраивать логически выверенные аргументы, проводить сравнительный анализ и формулировать обоснованные выводы. Определения устанавливают границы и содержание изучаемого явления, повышая точность научного языка: тщательная проработка терминов обеспечивает их однозначность и способствует эффективной научной коммуникации, позволяя исследователям, политикам и правоведам избегать недопонимания.

Системный подход к определению понятий, включающий выявление их существенных признаков и правового режима (в частности, в случае с понятием «совместные военные учения»), повышает строгость и достоверность научного анализа. Актуализация и уточнение понятийного аппарата стимулируют прогресс в таких областях знаний, как международное право и военная наука, способствуя уточнению существующих теоретических положений и формированию новых.

Практическая значимость исследования заключается в том, что его результаты могут внести вклад в развитие доктрины международного военного сотрудничества и совершенствование нормативно-правовой базы, регулирующей проведение военных учений.

Основная часть

Методология исследования. В работе использованы общенаучные и специально-юридические методы.

Метод анализа применялся при изучении источников права и научной литературы с целью выявления содержания и структуры понятий. Метод синтеза — при обобщении результатов анализа для формирования целостного представления о предмете исследования. Метод индукции (движение от частного к общему) использовался для формулирования общего определения на основе анализа конкретных примеров.

Суть исследования заключается в решении выявленной правовой проблемы: все этапы работы направлены на её системное устранение.

Формально-юридический метод применяется для изучения норм права в их официальном, буквенном выражении с опорой на действующее законодательство. Метод толкования используется для интерпретации норм права, выявления их смысла, целей и правовых последствий.

Информационно-эмпирическую базу исследования составили:

- нормативные правовые акты Российской Федерации и Литовской Республики;
- международные договоры Российской Федерации о военном сотрудничестве;
- научные статьи российских и зарубежных исследователей, находящиеся в открытом доступе.

Результаты исследования. В результате изучения нормативных документов Российской Федерации соответствующей тематики было установлено, что в них отсутствуют легальные определения понятий «военные учения» и «совместные военные учения». В Военной доктрине Российской Федерации (утв. Президентом РФ 25 декабря 2014 г. № Пр-2976) одной из угроз названа демонстрация военной силы в ходе проведения учений на территориях государств, сопредельных с Российской Федерацией или её союзниками, с провокационными целями. Из этого можно сделать вывод, что одной из целей военных учений является демонстрация военной мощи, которая традиционно воспринимается как средство информирования о собственной военной готовности. Однако учения могут преследовать и другие цели: укрепление доверия и оперативной совместимости вооружённых сил, демонстрация силы с целью привлечения союзников или сдерживания противников, а также маскировка политической воли к началу реальных военных действий.

Поскольку в законодательстве Российской Федерации отсутствует официальное определение военных учений, целесообразно проанализировать международные договоры России о военном сотрудничестве.

Согласно Договору между Российской Федерацией и Республикой Казахстан о военном сотрудничестве от 16 октября 2020 г. учения рассматриваются как форма совместных мероприятий оперативной и боевой подготовки — одного из направлений военного сотрудничества. Упоминания об учениях как форме сотрудничества встречаются и в других межправительственных договорах, например с Буркина-Фасо, Демократической Республикой Сан-Томе и Принсипи, Королевством Саудовская Аравия, Лаосской Народно-Демократической Республикой, Республикой Сербия и Социалистической Республикой Вьетнам.

В Договоре о всеобъемлющем стратегическом партнёрстве между Российской Федерацией и Исламской Республикой Иран от 17 января 2025 г. определяется правовая основа военных учений — применимые общепризнанные нормы международного права.

Понятие «общепризнанные нормы международного права» в соответствии с резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 20 декабря 2018 г. № 73/203 «Выявление норм международного обычного права» включает в себя международные обычаи. Согласно докладу Комиссии международного права, принятому на семьдесят пятой сессии в 2024 г., к общепризнанным нормам относятся также общепризнанные принципы права и нормы *jus cogens* — императивные нормы международного права, имеющие обязательную силу для всех государств.

Особое место среди договоров о военном сотрудничестве России занимает Проект соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Индия о порядке направления воинских

формирований, военных кораблей и военных воздушных судов Российской Федерации на территорию Республики Индия и воинских формирований, военных кораблей и военных воздушных судов Республики Индия на территорию Российской Федерации и организации их взаимного материально-технического обеспечения. В нём не только упоминаются совместные учения как форма сотрудничества, но и содержится отдельная статья «Совместные учения» (ст. 5). Согласно её положениям, стороны договариваются о сроках, районах, составе и численности воинских формирований, военных кораблей и воздушных судов, направляемых на учения, маршрутах передвижения, местах дислокации, а также о других вопросах, касающихся организации и порядка проведения учений.

В Соглашении между государствами — членами Шанхайской организации сотрудничества (далее — ШОС) о проведении совместных военных учений от 27 июня 2007 г. цель учений определена как объединение усилий для эффективного реагирования на ситуации, угрожающие миру, безопасности и стабильности в регионе ШОС, в т. ч. путём согласованных действий оборонных ведомств. Несмотря на специализированный характер документа, в нём отсутствует определение самого понятия «военные учения».

Некоторые аспекты проведения военных учений регулируются Венским документом об укреплении доверия и безопасности Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ), принятым 16 ноября 1999 г. в Стамбуле. В п. 30.2 Документа военные учения рассматриваются как форма военного сотрудничества, целью которой является отработка задач, представляющих взаимный интерес. Государства-участники обязуются добровольно проводить совместную подготовку и учения. Документ также определяет виды совместных учений: военно-воздушные, военно-морские (п. 40.1), а также сухопутные и смешанные (п. 47.1).

В русскоязычной научной литературе «двусторонние и многосторонние военные военно-морские учения» рассматриваются как «форма осуществления военно-дипломатического сотрудничества» [2, с. 124], которое «подразумевает использование вооружённых сил не для ведения боевых действий, а для обмена опытом, развития различных форм кооперации и взаимодействия» [2, с. 112]. В изученных работах также выделяются следующие функции совместных военных учений: укрепление международной стабильности [3, с. 17]; эскалация международной напряжённости [4, с. 98]; дестабилизация в сфере региональной безопасности [5, с. 102].

С учётом основных принципов международного права только первая из этих функций — укрепление международной стабильности — соответствует законным целям.

В качестве целей проведения учений указываются: демонстрация тесной кооперации между странами; повышение имиджа собственного военного потенциала и акцентирование внимания на том, что данный потенциал не несёт угрозы третьим странам, а направлен на укрепление международной стабильности [3, с. 21]; реализация военного присутствия в регионе [4, с. 120]; повышение уровня взаимодействия вооружённых сил стран-участниц [6, с. 37; 7, с. 234]; укрепление их способности противостоять современным вызовам и угрозам [7, с. 234].

В качестве задач совместных военных учений определяются: отработка типовых для вооружённых сил ситуаций и обмен опытом тактических приёмов при моделировании и отработке сценариев боевых действий [3, с. 17]; использование новейших видов вооружений, в т. ч. беспилотных летательных аппаратов, а также отработка методов психологической операции, что соответствует условиям современных вооружённых конфликтов [6, с. 37].

Все перечисленные цели и задачи могут считаться правомерными при условии, что они направлены на укрепление стабильности международных отношений.

Как уже отмечалось выше, определение понятия «совместные военные учения» было дано в работе Дж. Сикири [8]. В своей статье она определяет совместные военные учения как «мероприятия, проводимые двумя или более странами, направленные на улучшение взаимодействия и координации между вооружёнными силами этих стран» [8, р. 111]. У этого определения есть ряд недостатков: термин «мероприятие» носит неформальный характер; указание на количество стран избыточно (поскольку оно уже содержится в слове «совместные»); кроме того, оно ограничивает возможные цели учений, в то время как их круг значительно шире.

Примером законодательного определения понятия «военная операция» является Закон Литовской Республики «О международных операциях, учениях и других мероприятиях военного сотрудничества» от 19 июля 1994 г. Согласно ст. 1 закон регулирует участие литовских воинских частей, военнослужащих и гражданского персонала в международных операциях, учениях и других формах военного сотрудничества, а также участие иностранных воинских формирований на территории Литвы.

В ст. 2 термин «международные учения» определяется как учения по подготовке к военным операциям и другие учения по боевой подготовке, предусматривающие: совместное участие воинских формирований Литвы и иностранных государств; использование воинскими формированиями иностранных государств объектов инфраструктуры и военных полигонов, закреплённых за национальной системой обороны Литвы.

Цель таких учений — подготовка к военным действиям и боевая подготовка.

На основании вышеизложенного можно выделить следующие существенные признаки военных учений:

1. Являются формой международного военного сотрудничества в рамках совместных мероприятий по оперативной и боевой подготовке.
 2. Цели и задачи соответствуют основным принципам международного права, если они направлены на стабилизацию и укрепление международных отношений.
 3. В учениях принимают участие воинские формирования с использованием военной техники.
 4. В мероприятиях могут принимать участие гражданский персонал воинских формирований и сопровождающие лица.
 5. Правовая основа — международные договоры и общепризнанные нормы международного права.
 6. Перед проведением учений государства согласовывают маршруты передвижения и места дислокации.
 7. Учения могут быть сухопутными, военно-воздушными, военно-морскими и смешанными.
- Для разработки корректного определения необходимо учитывать правовой режим воинских формирований,

находящихся на территории другого государства, в зависимости от вида учений. Во всех случаях государство сохраняет особую правовую связь со своими военнослужащими, характеризующуюся совокупностью взаимных прав и обязанностей. Государство не только вправе требовать от своих военнослужащих исполнения обязанностей, но и несёт перед ними повышенную ответственность по призыву [9], в т. ч. при отсутствии вины [10].

При проведении сухопутных учений воинские формирования вооружённых сил дислоцируются на территории государства, проводящего учения, в специально отведённых помещениях. Согласно международным обычаям, государство, на территории которого проводятся учения, осуществляет суверенитет на своей территории. В то же время государство, в вооружённых силах которого проходят учения, сохраняет дисциплинарную юрисдикцию в отношении своих военнослужащих и гражданского персонала. Гражданская, административная и уголовная юрисдикция в отношении участников учений остаётся за государством, на территории которого проводятся учения, если иное не предусмотрено соглашением. Эти положения обусловлены функциональным иммунитетом лиц, участвующих в военных учениях на территории иностранного государства, а помещения, занимаемые вооружёнными силами, обладают неприкосновенностью.

При проведении военно-воздушных учений необходимо определить статус военных воздушных судов. В соответствии со ст. 3 Конвенции о международной гражданской авиации, заключённой в Чикаго 7 декабря 1944 г., воздушные суда, используемые в военных целях, признаются государственными и пользуются государственным иммунитетом. При выходе за пределы воздушного судна на военнослужащих распространяется функциональный иммунитет в соответствии с международными обычаями.

Правовой статус военных кораблей определяется Конвенцией ООН по морскому праву 1982 г. Военный корабль — это судно, принадлежащее вооружённым силам государства, имеющее национальные опознавательные знаки и находящееся под командованием офицера, состоящего на государственной службе (ст. 29). Корабль обладает полным иммунитетом от юрисдикции иностранного государства в открытом море и в его территориальных водах (ст. 95).

Таким образом, места дислокации иностранных воинских формирований, участвующих в совместных учениях (казармы, военные воздушные суда, военные корабли), рассматриваются как «квазитерритории» государства вооружённых сил. При этом функциональный иммунитет распространяется на военнослужащих и сопровождающий персонал.

Результаты исследования. На основании проведённого анализа предлагается следующее определение:

Совместные военные учения — это договорная форма военного сотрудничества государств, направленная на оперативную и боевую подготовку вооружённых сил, не противоречащая общепризнанным нормам международного права и международным договорам, в которой участвуют военнослужащие, гражданский персонал воинских формирований и сопровождающие лица, обладающие функциональным иммунитетом на территории иностранного государства и дислоцирующиеся в помещениях, на борту военных воздушных судов или военных кораблей, являющихся «квазитерриториями».

В современный период можно выделить четвёртый вид совместных военных учений — в киберпространстве. Военные учения по предотвращению киберугроз становятся ключевым фактором мировой политики и экономики. Одной из целей современных военных учений является отработка навыков обеспечения кибербезопасности, поскольку количество и сложность инцидентов, связанных с использованием ИКТ, продолжают расти. Информационные диверсии в информационно-коммуникационном пространстве стали новым оружием негосударственных коллективных и индивидуальных субъектов [11, с. 85]. Особую обеспокоенность вызывают акты саботажа или разрушения критически важной инфраструктуры, а также использование ИКТ для вмешательства во внутренние дела других государств, включая попытки повлиять на политические процессы.

А. А. и С. А. Петренко утверждают, что «в настоящее время вопросами организации и проведения крупномасштабных национальных и международных или транснациональных киберучений занимаются ведущие международные организации» [12, с. 2]. В их работе перечислено 19 таких организаций, которые относятся не только к региональным, но и к специализированным и универсальным, объединяющим государства различных военных блоков. Более того, информационно-коммуникационные технологии не признают государственных границ, поэтому военнослужащие и другие участники киберучений могут находиться в разных странах. Большинство киберкурсов предполагают участие как государственного, так и частного сектора.

Представляется, что эти особенности подчёркивают коалиционный характер таких мероприятий. Термин «коалиция» означает добровольное объединение государств (в форме международных организаций, государственных и частных субъектов) для совместных действий с целью достижения общих целей, что более точно отражает суть современных военных киберучений. Выражение «коалиционные военные киберучения» предлагается использовать в научной и правовой практике в качестве синонима или даже предпочтительной альтернативы термину «совместные военные киберучения».

Правовое регулирование использования ИКТ и противодействия киберугрозам в рамках ООН развивается в контексте ответственного поведения государств, защиты критически важной инфраструктуры [13, с. 26], мер по укреплению доверия в информационном пространстве [14, с. 56], а также соблюдения прав человека [15].

Учитывая специфику ИКТ и их применения, определение термина «коалиционные военные киберучения» должно включать следующие существенные признаки:

1. Трансграничный и технологический характер киберугроз.
 2. Необходимость участия не только военных, но и гражданских лиц, а также частных организаций.
 3. Важность соблюдения норм международного права и прав человека.
 4. Использование виртуальных и гибридных сред (в отличие от традиционных территориальных манёвров).
 5. Цели, согласованные с концепцией ответственного поведения государств в киберпространстве (под эгидой ООН).
- На основе предложенного определения военных учений с учётом специфики ИКТ можно сформулировать следующее определение:

Коалиционные военные киберучения — это

договорная форма международного военного сотрудничества государств, направленная на оперативную, тактическую и стратегическую подготовку специализированных киберподразделений вооружённых сил, гражданского персонала воинских формирований и представителей смежных структур (включая органы государственной безопасности и частных собственников критически важной инфраструктуры), проводимую как на физической территории, так и в виртуальных или смоделированных средах, включая выделенные информационные системы, облачные платформы и защищённые сети, предоставляемые государством, проводящим учения, или организуемые совместно в рамках концепции ответственного поведения и соблюдения прав человека в цифровой среде.

Заключение

Цели исследования достигнуты: в работе предложены научно обоснованные определения понятий «совместные военные учения» и «коалиционные военные киберучения», что является новым вкладом в российскую доктрину международного военного сотрудничества. Эти определения могут стать основой для дальнейшего совершенствования терминологии международного и военного права, а также нормативно-правовой базы Российской Федерации. Кроме того, в работе обоснованно предлагается использовать в научной и правовой практике термин «коалиционные учения» применительно к киберучениям как более точный и содержательный аналог термина «совместные учения», поскольку он лучше отражает суть современных трансграничных, многосторонних и технологически сложных мероприятий.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Андреев А. Ф. Правовое обеспечение деятельности Коллективных сил оперативного реагирования Организации Договора о коллективной безопасности // *Международное право и международные организации*. 2018. № 4. С. 28—38. DOI: 10.7256/2454-0633.2018.4.27869.
2. Колдунова Е. В. Военная дипломатия Японии, Китая и России в Юго-Восточной Азии: стратегии и тактика реализации // Японские исследования. 2024. № 1. С. 111—125. DOI: 10.55105/2500-2872-2024-1-111-125.
3. Ли В. Н. Роль сотрудничества России и Китая в военной сфере в укреплении стратегического партнёрства двух стран // *Международные отношения*. 2025. № 1. С. 16—27. DOI: 10.7256/2454-0641.2025.1.73869.
4. Аржанов И. А. Военно-политическая безопасность в Арктике до и в контексте «украинского кризиса» // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2024. Т. 16. № 3. С. 98—126. DOI: 10.48015/2076-7404-2024-16-3-98-126.
5. Гамерман Е. В. Угрозы военной безопасности в Северо-Восточной Азии на современном этапе // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 75. С. 96—105. DOI: 10.17223/19988613/75/12.
6. Турлыбаева Д. Т. Динамика военных учений коллективных сил оперативного реагирования ОДКБ «Взаимодействие» в 2009—2021 гг. // *Человеческий капитал*. 2022. № 9(165). С. 37—41. DOI: 10.25629/НС.2022.09.05.
7. Хабибов Ш. С. Российская военная база как гарант безопасности Таджикистана и мира в регионе // *Клио*. 2025. № 1(217). С. 234—238. DOI: 10.24412/2070-9773-2025-1217-234-238.
8. Siekiera J. International legal framework regulating military exercises - Lawfare potentially associated with military exercises as a hybrid threat // *Kwartalnik Prawa Międzynarodowego*. 2023. Vol. I. No. I. Pp. 107—125. DOI: 10.5604/01.3001.0016.3330.
9. Семушин С. А. Статус военнослужащего по призыву в вопросах возмещения вреда его жизни и здоровью // *Бизнес. Образование. Право*. 2015. № 4(33). С. 314—318.
10. Семушин С. А. О развитии правового института возмещения вреда, причиненного жизни и здоровью военнослужащего // *Бизнес. Образование. Право*. 2015. № 2(31). С. 282—286.
11. Ромашкина Н. Глобальные военно-политические ИКТ-угрозы и проблемы: сотрудничество или конфронтация мировых держав? // *Международная жизнь*. 2018. № 12. С. 85—96.
12. Петренко А. А., Петренко С. А. Киберучения: методические рекомендации ENISA // *Вопросы кибербезопасности*. 2015. № 3(11). С. 2—14.
13. Ромашкина Н. Проблема международной информационной безопасности в ООН (история, спорные вопросы, перспективы) // *Мировая экономика и международные отношения*. 2020. Т. 64. № 12. С. 25—32. DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-12-25-32.
14. Бойко С. Группа правительственных экспертов ООН по достижениям в области информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности: взгляд из прошлого в будущее // *Международная жизнь*. 2016. № 8. С. 54—71.
15. Булатов Р. Б. Защита прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации в условиях современного развития цифровых технологий // *Ленинградский юридический журнал*. 2024. № 2(76). С. 89—102. DOI: 10.35231/18136230_2024_2_89.

REFERENCES

1. Andreev A. F. Legal support for the activities of the Collective Rapid Reaction Forces of the Collective Security Treaty Organization. *Mezhdunarodnoe pravo i mezhdunarodnye organizatsii = International Law and International Organizations*. 2018;4:28—38. (In Russ.) DOI: 10.7256/2454-0633.2018.4.27869.
2. Koldunova E. V. Defense diplomacy of Japan, China, and Russia in Southeast Asia: Strategies and tactics of implementation. *Yaponskie issledovaniya = Japanese Studies in Russia*. 2024;1:111—125. (In Russ.) DOI: 10.55105/2500-2872-2024-1-111-125.
3. Li V. N. The role of cooperation between Russia and China in the military sphere for strengthening the strategic partnership of the two countries. *Mezhdunarodnye otnosheniya = International relations*. 2025;1:16—27. (In Russ.) DOI: 10.7256/2454-0641.2025.1.73869.

4. Arzhanov I. A. Military and political security in the Arctic before and amidst the Ukrainian crisis. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 25: Mezhdunarodnye otnosheniya i mirovaya politika* = *Lomonosov World Politics Journal*. 2024; 16(3):98—126. (In Russ.) DOI: 10.48015/2076-7404-2024-16-3-98-126.
5. Gamerman E. V. Threats of military security in North-East Asia at the present stage. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya* = *Tomsk State University Journal of History*. 2022;75:96—105. (In Russ.) DOI: 10.17223/19988613/75/12.
6. Turlybayeva D. T. Dynamics of military exercises of the collective rapid reaction forces of the CSTO “Interaction” in 2009-2021. *Chelovecheskii kapital* = *Human capital*. 2022;9(165):37—41. (In Russ.) DOI: 10.25629/HC.2022.09.05.
7. Habibov Sh. S. The Russian military base as a guarantor of Tajikistan’s security and peace in the region. *Klio*. 2025;1(217):234—238. (In Russ.) DOI: 10.24412/2070-9773-2025-1217-234-238.
8. Siekiera J. International legal framework regulating military exercises - Lawfare potentially associated with military exercises as a hybrid threat. *Kwartalnik Prawa Międzynarodowego*. 2023;1(1):107—125. DOI: 10.5604/01.3001.0016.3330.
9. Semushin S. A. The status of the conscripts in questions of compensation for harm caused to his life and health. *Biznes. Obrazovanie. Pravo* = *Business. Education. Law*. 2015;4(33):314—318. (In Russ.)
10. Semushin S. A. On development of the legal institution of compensation for harm caused to life and health of servicemen. *Biznes. Obrazovanie. Pravo* = *Business. Education. Law*. 2015;2(31):282—286. (In Russ.)
11. Romashkina N. Global military-political ICT threats and problems: cooperation or confrontation of world powers? *Mezhdunarodnaya zhizn`*. 2018;12:85—96. (In Russ.)
12. Petrenko A. A., Petrenko S. A. Cyber education: methodical recommendations ENISA. *Voprosy kiberbezopasnosti*. 2015;3(11):2—14. (In Russ.)
13. Romashkina N. Problem of International Information Security in the UN. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* = *World Economy and International Relations*. 2020;64(12): 25—32. (In Russ.) DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-12-25-32.
14. Boiko S. The UN Group of Governmental Experts on Developments in the Field of Information and Telecommunications in the Context of International Security: a look from the past to the future. *Mezhdunarodnaya zhizn`*. 2016;8:54—71. (In Russ.)
15. Bulatov R. B. Protection of human and civil rights and freedoms in the Russian Federation in the context of modern development of digital technologies. *Leningradskii yuridicheskii zhurnal* = *Leningrad Legal Journal*. 2024;2(76):89—102. (In Russ.) DOI: 10.35231/18136230_2024_2_89.

Статья поступила в редакцию 17.09.2025; одобрена после рецензирования 05.10.2025; принята к публикации 06.10.2025.
The article was submitted 17.09.2025; approved after reviewing 05.10.2025; accepted for publication 06.10.2025.